

III.3 Демократия и демократические ценности в Болгарии рубежа XIX – XX вв. глазами русских наблюдателей⁸⁵

Аксиологическое изучение обществ Нового времени допускает использование различных исследовательских методик. Одной из них является обращение к внешним по отношению к интересующей культуре источникам – описаниям, созданным иностранцами. Перспективность такого подхода обусловлена тем, что носитель ценностей редко о них рефлексирует, сторонний же человек способен увидеть и понять эти ценности на контрасте с собственными. В случае с южными славянами лучшими наблюдателями стоит признать русских.⁸⁶ Это обусловлено низким языковым барьером, культурной и конфессиональной близостью и отсутствием присущего европейцам взгляда через призму собственного культурного превосходства (Шемякин 2006, 9; Шемякин 2011, 69). К тому же в силу сложившихся среди южнославянского населения симпатий русского могли пустить туда, куда европейцам вход был заказан (Гусев 2019b, 5-6). Всё это позволяло русским более объективно изучать и понимать южных славян. Европейцы же, как утверждал в XIX в. известный славист П.А. Ровинский, находясь в Сербии, «на все явления народной жизни смотрят издалека и свысока, схватывают их поверхностно и дают им толкование по своему вкусу или по своим субъективным воззрениям» (Шемякин 2017, 91).

Вдобавок использование именно данного типа источников позволяет нам понять сразу две культуры – описываемую и описывающую, поскольку чужое – лишь зеркало, глядя в которое мы конституируем и свое. Правда, надо помнить, что наблюдатели принадлежали к меньшей образованной части общества с присущим ей набором ценностей. Большинство населения России в интересующий нас период не только не видело Болгарии или не имело желания ее описать, но

⁸⁵ Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472-LED-SW).

⁸⁶ Под русскими понимается население Российской империи, независимо от этнического происхождения, объединяемое общностью языка и культуры.

и не смогло бы этого сделать в силу своей неграмотности. Однако активное образованное меньшинство, которое можно обозначить как интеллектуальную элиту общества, воздействует словом и образом на остальные слои. Тем самым оно навязывает им представления о том, какие способы действия и конечные цели заслуживают одобрения, что в социологии и определяется как ценности (Каган 1997, 51).

В конце XIX – начале XX в. на Балканах шел процесс догоняющей модернизации по западному образцу. Однако, говоря о его специфике, современные исследователи нередко обозначают данную модернизацию как имитационную – заимствуя элементы вестернизации; южные славяне «творчески» их перерабатывали, подстраивая под местные реалии. Логично предположить, что нечто подобное могло происходить и с ценностями. Поскольку Болгария ориентировалась в своей модернизации на Западную Европу, логично взглянуть на то, какие ценности обозначаются как европейские.

Трудно выявить то, что в последние десятилетия Нового времени декларировалось как европейские ценности в силу меньшего распространения данного термина, и в силу отсутствия единой Европы, где сосуществовали различные политические режимы и культурные традиции. Остается лишь опереться на ретроспективный взгляд из современности. Сейчас, когда заходит речь о европейских ценностях, часто звучит чеканная формула «европейские демократические ценности». Так, например, согласно одному из болгарских учебников, приход Советской армии в 1944 г. и последующее установление режима народной демократии оторвали страну «от европейских демократических ценностей» (Николов-Делев-Иванчев-Янчев 2002, 417). Если обратиться к интернет-ресурсу Совета Европы, то раздел «Ценности» имеет подзаголовок «Права человека, демократия, верховенство права» (Ценности). На том же сайте бывший генсек ООН К. Аннан утверждал: «Демократия является одной из основных ценностей Совета Европы, наряду с правами человека и верховенством права» (Аннан). На Третьем саммите Совета Европы в 2005 г. был принят План действий на ближайшие годы, в частности предполагающий «продвижение общих основополагающих ценностей: права человека, верховенство закона и демократия» (Совет Европы). В результате можно предположить, что одной из главных ценностей Европы (по крайней мере, современной) является демократия.

Остается лишь определить, какие черты были присущи этой ценности в исследуемый период. «Большая российская энциклопедия»

указывает, что демократия современного типа начала формироваться в начале XIX в., ей присуще следующее: гарантии прав и свобод граждан, правление закона, честные, свободные, регулярно проводимые выборы, плюрализм мнений (Ледяев 2007, 513). В свете этого определения и попробуем взглянуть на русские описания функционирования болгарской демократии конца XIX – начала XX в.

«Прежде всего, ценности равенства и самостоятельности – это и ценности прав человека», – писал К. Аннан, отвечая на вопрос «Что такое демократия?» (Аннан). И равенство русские очевидцы, рассказывая о болгарском обществе, отмечали, нередко именуя его демократичностью. «Больше же всего поразила нас в этой стране ее демократичность... Нужно еще сказать, что Болгария – это удивительное царство какого-то родственного отношения людей между собою», – утверждала донская казачка, посетившая страну в 1911 г. (Письма 1914, 5). Направлявшийся в Македонию русский доброволец Б. Л. Тагеев в 1903 г. также констатировал: «В силу демократического положения Болгарии самое разношерстное общество сливается в одно целое... И министры, и редакторы газет, и простые селяне, офицеры и студенты – все в общей толпе проводят вечера за кофе или кружкой пива в лучшем здесь кафе „Червенном Раке“»⁸⁷ (Тагеев 1903, 785). В 1912 г., во время Первой балканской войны, писатель Вас.И. Немирович-Данченко, не единожды посещавший страну, громко заявлял со страниц прессы: «Болгария – конституционное государство, где все равны перед законом» (Немирович-Данченко 1913, 41). Наблюдая хорошо, в котором вместе плясали офицеры и солдаты, он писал, что это стало для него «образом всей Болгарии, счастливой страны равенства и братства, где нет сословий, никто не оторвался от народа и живет с ним одной общей жизнью» (Немирович-Данченко 1913, 247). Тогда же журналист В. Водовозов называл Болгарию «наиболее демократическим и наиболее культурным государством Балканского полуострова», даже «в худшие времена стамбуловского деспотизма» бывшим «демократическим и мужицким» (Водовозов 1913, 319, 322). И в том же 1912 г. писателя Е. Н. Чирикова поразила доступность представи-

⁸⁷ Стоит отметить, что «Червен рак» являлся далеко не рядовым заведением. Несмотря на простоту обстановки, здесь подавали мюнхенское пиво; кафе находилось напротив дворца монарха, и потому его называли «придворным». «Это было питейное заведение только для гастрономов», – вспоминала современница (Костенцева 2008, 236).

телей власти. Его ожидание разрешения властей на поездку на фронт затягивалось. Тогда ему посоветовали позвонить болгарскому премьеру И. Гешову. Писатель крайне удивился, представив, что в России кто-то решил вызвать к аппарату премьера. В ответ он услышал: «У нас страна – демократическая» (Чириков 1913, 41). Это подчеркивание равенства и демократии говорит о том, что их не хватало русским наблюдателям, оценивавшим данные черты болгарской жизни позитивно. Но опять-таки нужно вновь оговориться, что создатели источников – представители пусть влиятельной, но небольшой части общества, взгляды же основной массы населения России в то время выходят за рамки данной работы.

Отсутствие социальной дифференциации действительно было присуще балканским народам в XIX–XX вв. Из-под турецкого ига государства полуострова вышли с неполной социальной структурой – национальная родовая знать уцелела только в Румынии. В Болгарии сложившаяся ситуация была зафиксирована в 57-й статье Тырновской конституции: «Все болгарские подданные равны перед законом. Словное разделение в Болгарии не допускается» (Конституция 1945, 13). Нацелено на сохранение равенства было и изменение, внесенное в 1879 г. Учредительным собранием Болгарии в первоначальный проект Тырновской конституции, подготовленный в России. Правка превратила парламент из двухпалатного в однопалатный.

С привычкой к равенству связано и отсутствие священного трепета перед монархом. Политик К. Стоилов сокрушался по этому поводу и говорил о необходимости воспитания данного чувства (Гришина 2008, 144). Потому и к формальной монаршей милости относились со скепсисом. Попытка князя Фердинанда Кобурга ввести традицию монарших наград подданным, где важна не материальная стоимость, а факт прикосновения к высшей власти, оказалась провальной. Как вспоминал учивший монарха болгарскому языку Д. Ганчев, «мы, люди того времени, не могли освободиться от нашего крестьянского материализма при оценках княжеского благоволения». Только что награжденный орденом, в знаке которого не имелось драгоценных камней и металлов, выйдя на улицу, прокричал: «Господа, за одно пиво!.. Отдам его! Кто угостит?» (Ганчев 1983, 30).

Первый военный министр Болгарии – русский генерал П. Д. Паренсов – попытался в своем ведомстве ввести по образцу России жесткие правила внутренней переписки с необходимыми обращениями и чиновничествами. «Тут мне пришлось выслушать от добрейшего

Буркова прекурьюзное возражение, высказанное, однако, в наставительном тоне: „помилуйте, П[етр] Д[митриевич], как же мы можем принять ваши формы. Вы – страна монархического, неограниченного правления, а мы – конституционного!“», – вспоминал генерал (Паренсов 1908, 112). Примечательно, что, судя по тону, он сам со скепсисом воспринимал демократические порядки. Но в секретной записке русскому военному министру Паренсов советовал тщательно избегать всего, «что составляет роскошь и наружный блеск». «Мнение, будто в Болгарии, стране восточной, необходим блеск, чтобы влиять на умы, не выдерживает ни малейшей критики», – заключал он (Паренсов 1908, 205-206). И спустя двадцать лет другой русский очевидец утверждал, что болгары к «блеску привыкают с трудом, так как в их нравах большая простота», и лишь русский посол торжественно ездит по Софии (Тагеев 1903, 786).

Интересно, что в самой столице были люди, которые могли себе позволить внешнюю роскошь и комфорт, но избегали их демонстрации. Например, до создания железнодорожной сети наиболее комфортным средством междугороднего передвижения являлась бричка. Однако она воспринималась как роскошь, и некоторые жители Софии добирались до окраины города более «демократическим» способом и только там пересаживались в брички, чтобы на них не смотрели косо (Костенцева 2008, 102). Этот факт и неоднократное подчеркивание самими болгарам равенства и демократического устройства государства говорят о том, что такие порядки для них являлись ценностью. Возможно, здесь стоит видеть определенное упоение болгар от наконец приобретенной свободы, от того, что они перестали быть на собственной земле людьми второго сорта. Подобное отношение к ближнему не могло не радовать либерально настроенных русских наблюдателей, ведь в таких условиях воспитывался свободный человек, вышедший из-под ярма и распрямивший плечи. Русский писатель Г. И. Успенский описал свою встречу с русским солдатом, прожившим в Болгарии несколько лет после ее освобождения. И как заметил автор, стало заметно, что вчерашний забитый русский крестьянин стал уверенным в себе человеком, у него появилось чувство самоуважения (Успенский 1954, 86-95).

Но было ли это равенство чертой демократии? Как ни парадоксально – нет. Это была не демократия, а патриархальность. Офицеры и политики не происходили из дворянских родов, как это было в Европе; их отдельная каста еще не успела сложиться, хотя и находилась

на стадии формирования. Появившийся государственный аппарат «втянул» в себя всех более или менее образованных болгар. Но они формировали интеллектуальную элиту, а не выросли в ней. Как писал упоминавшийся Д. Ганчев, торжественно принимаемая князем элита состояла из «сыновей крестьян и ремесленников» (Ганчев 1983, 26). И они об этом помнили. Русскому писателю рассказывал его болгарский знакомый – чиновник: «Я вот, говорит, большое образование имею, и должность моя большая, – а придет из деревни мой отец, кмет (по-нашему староста будет), – так я при всем моем могуществе сесть пред ним не смею. Скажет: „сидись!“, ну, сяду, – а не скажет, и так постоишь» (Успенский 1954, 95). В данном случае мы видим, что подчиненность по семейным признакам важнее формальной.

В таком своем виде равенство противоречит демократическим ценностям, поскольку оно патриархально. Патриархальная же культура всегда выступает за статус-кво: она против новшеств, поскольку эксперименты несут слишком большие риски, сдерживает расслоение, потому что это нарушит мир внутри социума. И равенство становится не правом человека, а его обязанностью. В результате индивид теряет право на самостоятельность, самовыражение, самореализацию и свободу личности, что ныне включается в понимание прав человека и в вышеприведенной цитате обозначено как ценности прав человека.

Привычным компонентом прав человека и демократии является свобода слова. Русским наблюдателям Болгарии рубежа XIX–XX вв. восприятие свободы слова как ценности явно тоже было присуще. Ее наличие поражало Е. Н. Чирикова: «Должен, однако, заметить, что говорят здесь в публичных местах поразительно свободно!» На его вопрос о наличии охранного отделения он услышал смех и разъяснение, что за определенные высказывания у болгар полагается лишь небольшой штраф по суду. «Рассказывают такие анекдоты, что я пугливо озираюсь по сторонам и всё жду, что вот-вот сейчас подскочит господин средних лет и скажет: – Пожалуйте!» (Чириков 1913, 53–54). Но в то же время писатель сам рассказал, что одну из его пьес не поставили в театре, поскольку, как ему разъяснили, «наша внутренняя политика всецело определяется внешней, и дирекция театра бывает иногда чрезмерно осторожной и дипломатичной». И тут он сам заметил разницу написанного на бумаге и реального исполнения законов: «Конституция прекрасна, но... директор дипломат...» (Чириков 1913, 43).

Однако если дело касалось внутренней политики, то дипломатичность отсутствовала. Русский генерал Н. А. Епанчин, посетивший

Болгарию в начале XX в., вспоминал: «В Болгарии была полная свобода печати, а мы у себя дома не привыкли к этому, и я был поражен, увидев в газетах карикатуры на князя Фердинанда с преувеличенным носом, в виде хобота слона, и резкими статьями о Князе» (Епанчин 1996, 256). Свободе слова способствовал плюрализм мнений, существующий в силу развития периодической печати. Профессор П. А. Кулаковский посетил в 1899 г. Болгарию и заметил: «Публицистическая печать в Болгарии носит странный характер. Издается „газет“ целая туча. Большинство городов издают каждый свой орган, а то и два, если в городе есть зажиточные люди двух партий» (Кулаковский 1899а). Подтверждает данное наблюдение и статистика. В 1913 г. в стране насчитывалась 181 типография, при этом $\frac{4}{5}$ из них были разбросаны по стране (Гринберг 1975, 81), что говорит о распространении в том числе и региональной прессы. И эти издания находили своих читателей, поскольку «партийность повсюду в Болгарии» (Татеев 1904, 168) и «нет уголка в целой Болгарии, где бы спокойно, без ссор, доходящих до преступлений, говорили о политических вопросах своего отечества», как отмечали русские наблюдатели (Письма 1914, 6-7).

Казалось бы, мы видим классические элементы демократии – свободу слова, плюрализм мнений, заинтересованность населения в политических процессах. Однако и в данном случае постулируемая ценность демократии была с болгарским «акцентом», выразившимся в тоне общественной дискуссии. По словам русского очевидца, как «только дело коснется политики, самые лучшие друзья становятся лютыми врагами» (Письма 1914, 6). И это выплескивалось на страницы газет. Одна газета в Плевене называла другую «правительственной подстилкой» и «фондоедом». Газета Народно-либеральной партии называла лидера Либеральной В. Радославова глупцом, лжецом и интриганом, а его сторонников – убогими и дураками. В ответ орган либералов именовал главу народнолибералов Д. Петкова негодяем и подлецом (Илчев 2005, 277). Накануне выборов 1902 г. у одного из видных представителей Демократической партии М. Такева умерла при родах жена. Противники отреагировали лозунгами «Как не умер и он!» (Илчев 2005, 279). Партийное ожесточение превращало свободу слова в площадную брань, о защите чести и достоинства и речи не могло идти. Если оскорбленный подавал в суд, то мог добиться лишь штрафа, но и сам нес репутационные потери, связанные с освещением процесса в прессе, а следовательно – тиражированием оскорблений. Институт репутации не сложился, и, хотя Уголовный кодекс Болгарии разрешал

дуэли (Илчев 2005, 62), за обозреваемый период не состоялось ни одной, при том что вызовы звучали неоднократно (Славейкова).

С другой стороны, свобода слова и партийная борьба являются залогом соблюдения властью буквы закона, поскольку невозможно ничего скрыть. Однако П. А. Кулаковский отметил, что каждое правительство стремится обогатиться за счет казны, а находившийся у власти на момент его визита кабинет Д. Грекова охарактеризовал как «прямо министерство наживы и гешефта» (Кулаковский 1899b). И все обо всем знали, но скомпрометировавшие себя политики всё равно возвращались во власть. Например, М. Савов в бытность военным министром запятнал себя участием в так называемой «афере Шарль-Жан», связанной со злоупотреблениями при закупке иностранного вооружения. Но это не помешало монарху через несколько лет назначить генерала заместителем главнокомандующего. И таких примеров не единицы. Л. Д. Троцкий во время Балканских войн писал по данному поводу: «„Популярный“ генерал, которого не успели осудить за казнокрадство, – в качестве главнокомандующего; заведомый... престижитатор – в качестве коменданта; бесцеремонный карьерист – в роли военного цензора; отставной турецкий агент – как необходимая фигура при военном министерстве, – всё это вместе бросает достаточно яркий свет на нравы командующего состава армии» (Троцкий 2011, 191).

Репутация, таким образом, не имела большого значения в политической борьбе. Вдобавок партийная конкуренция и свобода слова не обеспечивали даже проведения выборов в соответствии с законом.

Русские очевидцы этого процесса, к сожалению, не описали, а потому мы вынуждены опереться на другие источники. Как вспоминала софийка Р. Костенцева, «вообще выборы проводились в условиях беззакония и мошенничества, произвола и насилия» (Костенцева 2008, 136). Современный болгарский историк И. Илчев также указал на произвол находящейся у власти политической силы. Ее искренние и нанятые сторонники на митингах осыпали противников камнями, на выборах рвали бюллетени, «нередко использовали деликатное внушение солдатских ружей, на которых блестели примкнутые штыки» (Илчев 2005, 279). Лучшее подтверждение этим словам – бессмертное произведение болгарского сатирика А. Константинова, жившего в интересующий нас период. Его герой Бай Ганю в один из периодов своей жизни занимался организацией выборов. «Да какой бы я был Ганю Балканский, кабы не знал и этого ремесла. Ты меня, сударь мой, посади в какую хошь околию и скажи, кого тебе там избрать, – осла,

тудыть его, кандидатом выдвинешь, – осла тебе протащу! Дай мне только околийского с жандармами да тысячу-другую левов», – говорил главный герой, в чьем образе писатель высмеивал современные ему нравы (Константинов 1983, 426). И выборы проходили, проигравшие признавали их результаты, и все ждали следующих выборов.

Причину такой покорности А. Константинов обрисовал уж совсем в черных красках, а потому вернемся к русским наблюдателям. Одному из них европейский дипломат так объяснял данный феномен: «Болгария – изрядная Азия. Она еще не успела отвыкнуть от турецкого наследия, авторитета кулака и палки» (Амфитеатров 1901, 34). П. А. Кулаковский через несколько лет вторил этой точке зрения: «Болгарский народ, очень практичный, трудолюбивый, мирный и вообще не склонный к переворотам и борьбе с правителями и властями. Напротив того, он даже слишком приучен долговременным рабством к пассивной покорности» (Кулаковский 1899b). А потому и всю партийную систему русский профессор не считал серьезной: «Партии в Болгарии носят чаще всего имена своих вождей, выдвинутых или историческим прошлым, или дарованиями, или просто случайно. Все эти лица или были, или будут министрами-президентами различных кабинетов, когда будет угодно князю призвать их ко власти» (Кулаковский 1899a).

Указанная основа политической системы Болгарии была очевидна не только ему. Л. Д. Троцкий, хорошо знакомый с местными реалиями, утверждал: «„Партия“ политически безразличных и безличных здесь, по вполне понятным причинам, очень многочисленна и своими голосами определяет исход выборов. А незачем пояснять, что эта „партия“ всегда склонна поддерживать власть». Множество раз разочарованные в своем выборе граждане голосовали за уже находящуюся благодаря царю в правительстве партию, ведь она хоть может исполнить обещания. Фердинанд определял необходимую, на его взгляд, в этот момент политическую группу, которая затем в результате выборов получала численный перевес в Народном Собрании, поддерживающий действующее министерство (Троцкий 2011, 35). Не парламентское большинство определяло кабинет министров, а кабинет министров – парламентское большинство. Таким образом, мы видим не конституционную монархию, а дирижируемую монархом демократию...

«Совет Европы отстаивает свободу выражения мнения и свободу собраний, свободу СМИ, равенство и защиту меньшинств», – указано

на сайте организации в разделе «Ценности» (Ценности). С формальной точки зрения в Болгарии рубежа XIX–XX вв. всё за исключением последнего присутствовало. Но реальное воплощение этого было совершенно иным, нежели в западноевропейских образцах.

Равенство являлось патриархальным, а не демократическим и правовым, свобода слова имела характер безграничной вольницы, партийная конкуренция велась в первую очередь за симпатии монарха. А потому оппозиция мирилась с махинациями в избирательном процессе, зная, что, возможно, в следующий политический цикл будет обратная ситуация. И в результате имели место не конкурентные выборы, а попросту ритуализация власти.

Однако все внешние атрибуты указывали на демократию. Этого хватало русским, чтобы завидовать, а болгарам – гордиться; соответственно, сама демократия являлась для обоих народов ценностью. Но в реальном своем проявлении демократия была пустой обложкой, фанерным фасадом государственности, а следовательно – выхоленной ценностью. В таком виде, когда номинально постулировалась важность демократии, но на практике она лишь имитировалась, демократия как ценность становилась карго-культом. Со всеми вытекающими последствиями для развития страны и общества.

Никита Сергеевич Гусев